

Вторая часть¹

I

Маленькое владение, когда-то царство с царьками и царицами, Бэртпур знаменито лишь своими Семирамидиными садами, своим Дигом. Раджа его чрезвычайно гордится своею независимостью пред менее счастливыми братьями, раджами других владений Раджпутаны, забывая, что он обязан своею независимостию, собственно, совершенно замкнутому географическому положению своей территории. В Бэртпуре нет ни резидента, ни даже какого-либо чиновника британского по той простой причине, что сдавленный, словно в тисках, между Агрой, Джейпуром и Альвуром² этот штатик походит на пленника, окруженного замкнутым рядом солдат и поэтому освобожденного от лишнего часового, которому оставалось бы поместиться на плечах или голове узника. Невзирая на такое положение, население, то есть высшие классы (кшатрии, каста воинов), коих числом более, нежели низших, с гордостью, достойною испанских гидальго, презирают махратов и даже раджпутов, которых теперь перестали бояться. Разоренные дотла англичанами, они довольствуются малым и живут в своем «Царстве павлинов» (названном так потому, что на одной долине Бхаратской насчитывают до 6000 священных павлинов) беззаботно и даже счастливо. Народ деятельный и когда-то воинственный, они с 1826 года, когда лорд Лек разорил их столицу, взяв ее приступом, погрузились гуртом в состояние какой-то спячки и буквально проводят всю жизнь в религиозных празднествах и жертвоприношениях богам. Бэртпур – гнездо бардов и священного песнопения, в котором прославляются с утра до ночи доблестные подвиги богов и смертных. Поэтому из семисот тысяч жителей на пространстве каких-нибудь 77 миль в длину и 50 в ширину четыреста тысяч *браминствуют*, ровно ничего не делая, а триста тысяч проводят всю жизнь, таская воду из озер Дига и разнося оную на плечах для орошения 1978 квадратных миль. Кроме этих озер, занимающих всего несколько верст, во всем владении не имеется ни капли воды.

Раджа и 99% общего числа жителей – джаты. Это племя, когда-то составлявшее огромное большинство населения Раджистана, – «аборигены палящих равнин», расстилающихся вдоль Индуса и его притоков. Тод уверяет и доказывает³, по-своему, будто джаты одного рода и племени с гетами, массагетами и югами⁴ Ютландии, а вследствие этого также с англо-саксонскими покорителями Англии. Он находит даже между белоголовым ютландцем, его рыжим кузенком Джон-Буллем и черным, как пиковый туз, джатом, «весьма сильное фамильное сходство» в нижней части челюсти (*sic*) и вероятно в ушах. Мудреного тут ничего нет. Под деспотическим распоряжением гг. филологов, этнологов и антропологов нашей бедной матушке природе остается лишь молчать.

Одно верно: джаты – один из древнейших народов Индии, и хотя и «аборигены» для пришедших позднее их раджпутов, но не аборигены, а также пришельцы для настоящих аборигенов, племен, рассеянных теперь по всей Индии, скрывающихся в неприступных горных ущелиях, в лесах и джонглах. Их предания, как и сама история, или, вернее, те истрепанные в клочки страницы, что у нас ходят теперь под именем истории, указывают на джатов как на племя,

¹ В 1883 году было начато печатание второй части этих писем. По обстоятельствам, не зависевшим ни от автора, ни от редакции, продолжение их не последовало и печатание приостановилось на двух листах. Получив продолжение писем, мы возобновляем печатание, но не в особом непрерывном приложении, а отдельными статьями, которые впоследствии и составят в совокупности вторую часть сочинения: *Из пещер и дебрей Индостана*. Первое письмо, прерванное на полуслове, перепечатывается для связи вполне. – *Примечание редакции журнала «Русский вестник» (1885, №11)*.

² Алваром (англ. Alwar).

³ См. *Journal Asiatique*, май, 1827. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Речь идет о статье Дж. Тода «De l'Origine asiatique de quelques-unes des anciennes Tribus de l'Europe établies sur les rivages de la mer Baltique, surtout les Su, Suedi, Suiones, Asi, Yeuts, Juts ou Gètes-Goths, etc., etc.» («Об азиатском происхождении некоторых древних племен Европы, проживавших на берегах Балтийского моря, таких как су, суеты, суоми, асы, йеты, юты или геты-готы и др.») в издании «*Journal Asiatique ou Recueil de Mémoires, d'Extraits et de Notices relatifs à l'Histoire, à la Philosophie, aux Langues et à la Littérature des Peuples Orientaux*» (1827, т. X).

⁴ ютами.

передовые колонии коего пришли в Индию из-за Гималая, вероятно из-за Оксуса (ныне Аму-Дарья) еще до времен Кира. В IV веке история застаёт Джатское царство в Пенджабе, но не указывает на эпоху его основания и не даёт никаких сведений о первом появлении джатов. Тодд желает также доказать их тождество с *азиями*⁵ Оксуса – племенем, низвергнувшим греческую империю в Бактриане⁶. Эти-де *азии* и есть родовое племя, ветвь коего, ворвавшись в северную Европу, поселилась, между прочим, и в Ютландии. Из всех племен, живущих ныне в Индии, которым желают навязать в прародители скифов, джаты самое подходящее к гипотезе. Наружность скифов, как мы находим ее описанною Геродотом, резко отпечатлелась на них. Приземистые, плотные, волосатые, с сильно развитыми мускулами джаты столько же подходят к этому описанию, сколько высокие, стройные раджпуты и бхиллы отходят от оногo. Достаточно взглянуть на чисто греческие профили раджпутов, чтоб убедиться в невозможности производить скифов от них. Это так же нелепо, как сваливать в общую «скифскую яму» и пенджабских сикков, колоссов с орлиными носами и чисто европейским типом лица, только потому, что до обращения их в монотеизм они приносили в жертву лошадей. Сикки и раджпуты, по общему мнению писателей-ориенталистов, один из красивейших типов рода человеческого.

Огромная часть Раджистана перемешала в себе теперь под «благодетельным правлением Англии» (стереотипное выражение) чистых раджпутов и джатов, и их такуры и земиндары пользуются одинаковыми правами, или что, быть может, будет вернее, одинаково не пользуются никакими правами, кроме прав обыкновенного помещика и хозяина в собственных поместьях. Но между такурами раджпутской и джатской крови мнение народное, редко ошибающееся, вырыло непроходимую бездну. Такур-джат – феодальный барон, грабящий по ночам. Такур-раджпут – рыцарь – *un chevalier sans peur ni reproche*⁷ – в полном смысле слова. Чтоб успокоить первых и тем доставить себе верных союзников, правительство хотя и воспретило дневные грабежи *de jure*⁸, но разрешило их *de facto*⁹, предоставив грабителям, как шейхам бедуинов в Палестине и Сирии, взимать контрибуцию с приезжих караванов и путешественников, якобы гарантируя последним полную безопасность от бхилл. Но раджпутские такуры не приняли ни одной из предлагаемых им милостей. Владея и управляя почти самовластно горстью своих подданных, они почти не выезжают из пределов своих деревень и даже часто из замка. Гордые и неукротимые, поставленные теперь в невозможность воевать друг с другом, они, по-видимому, покорились своей участи, но знают лишь с раджами, которым как вассалы они обязаны платить дань людьми и деньгами. С англичанами они не имеют почти никаких прямых сношений, а ведут дела, в случае надобности, чрез министров своего сюзерена, махараджи.

Как и всюду, покорители «высшей расы» явились тут Каинами в отношении к невинным Авелям. Перетасовали они Индию, словно колоду карт. Жаль смотреть на этот когда-то при раджпутских и даже при мусульманских царях процветавший угол Бхаратры¹⁰, ныне Бэртпур, валяющийся в пыли вековых дворцов и храмов, словно обугленный кусок заплесневшего сухаря. Еще в начале настоящего столетия великолепные водопроводы из неиссякаемых Дигских озер полосовали всю страну, и Бэртпур считался одною из главных житниц Индии. Страна цвела и зеленела круглый год. Но вот в 1825 году явились войска ненасытной Ост-Индской Компании под водительством лордов Лека и Комбермира¹¹. Город построен на низменности и вода огромного, теперь не существующего и заваленного озера *Моти-джиль* (Жемчужное озеро), находясь на более возвышенном уровне, могла по усмотрению и во всякое время быть выпускаема в фортификационные рвы и затоплять их, причем город становился неприступным. С 1805 года англичане четыре раза пытались взять Бэртпур приступом и каждый раз были отражаемы с

⁵ асиями (англ. Asii).

⁶ Речь идет о Бактрии (др.-греч. Βακτριανή).

⁷ рыцарь без страха и упрека (фр.).

⁸ Де-юре (лат.) – юридически, по (согласно) праву.

⁹ Де-факто (лат.) – на деле, фактически, нечто действительное, но не закрепленное законом.

¹⁰ Бхарата (Бхарат) – название Индии, которое происходит от санскритского имени легендарного древнеиндийского царя Бхараты.

¹¹ Стэплтон Коттон (1-й виконт Комбермер, Combermere, 1773–1865) – британский военачальник, дипломат и политик.

огромную потерей. В продолжение двадцати лет были пущены в ход все военные хитрости, на которые столь горазды гуманные британцы, чтобы завладеть Павлиным царством с его соляными озерами и промыслами, дающими около 170000 фунтов стерлингов годового дохода; но это удалось им лишь в 1826 году. По рассказам девана и особенно старого дядьки раджи, ответственность за погром города лежит на совести бога Кришны, патрона оного. Во время первой осады туземные солдаты, служившие в британских рядах, клялись, что видели Кришну над городом в воздухе, «одетого в желтое платье аскета и вооруженного своими специальными доспехами: луком, булавой, конхой и священной трубой», и вследствие этого разбежались. Но в 1826 году божество оплошало... Суеверие джатов можно сравнить разве только с суеверием дравидов южной Индии; это какой-то волшебный, заколдованный мир. Провести несколько дней с джатами все равно, что день и ночь читать сказки... Чтò ни шаг, то капище с особенною своею легендой, на первом плане которой выступают рыцари и боги с богинями, всегда играющими в них роли добрых и злых волшебниц, как в сказках *Перо*¹², где добродетель всегда торжествует, а порок всегда бывает наказан...

– Видите эти разрушенные стены крепостей, вон там на валу, где растет это огромное дерево с золотистыми цветами? – спрашивает нас посланник девана.

Мы подъезжали к столице Бэртпура и пред нами возвышались горы мусора, развалины когда-то знаменитых укреплений, а за ними в грязной и душной котловине расстилался город, собрание полуразрушенных лачуг. На плоских террасах домов стояли безобразные идолы и меж ними важно расхаживали павлины, сверкая в лучах заходящего солнца стоглазыми хвостами.

– Вижу... Чтò ж в этом дереве такого удивительного? – прищурился полковник.

– Теперь ничего, – отвечал, вздыхая, посланник. – Но эти желтые, как золото, цветы, эти бесчисленные грозды¹³ ароматных чашечек – все это слезы Кришны... Увидев, что англичане перерезали дорогу нашим инженерам к пруду и переходят городской ров, *дев* (бог) бросил в отчаянии булаву под ноги первому отряду и на этом месте тотчас же выросло дерево. Затем на дерево закапали священные слезы, как частый дождь, и из каждой капли вырос цветок.

– Чем плакать, лучше бы богу было не плошать и тут же свернуть всему отряду шею, – покощунствовал сквозь зубы бабу.

Южный раджпут, ехавший возле кареты верхом, только вскинул глазами на бабу. В его черных, как смоль, глазах выразался немой упрек.

– Вы бенгалец и... вероятно, *настика*¹⁴? – срезал он его.

– И да, и нет, – отвечал бабу, немного сконфуженный прямым вопросом, а еще более устремленным на него пристальным взглядом Нараяна, – я из Бенгалии, но принадлежу... или скорее *принадлежал* к секте чарвака, к лакаятикам¹⁵. Но теперь, – поспешил он прибавить, – я теософ и готов верить во чтò прикажет нам президент....

Мы рассмеялись, стараясь обратить откровенное признание в шутку. По-видимому, оно произвело тяжелое впечатление на его религиозных товарищей. Они, вероятно, не знали до сих пор о принадлежности нашего ветреного бабу к этой столь презираемой прочими индусами секте. К счастью его, Такур отсутствовал. Усадив нас и отправив под охраной своих всадников, он сам, по обыкновению, куда-то исчез.

Бэртпур построен на развалинах, от которых на земной поверхности не осталось теперь и праха древней столицы, основанной героем-Бхаратом. Настоящей столице минул всего один век. Среди развалин древних бастионов и башен, забитых наглухо ползучими растениями, прячется,

¹² Шарль Перро (Perrault, 1628–1703) – французский поэт, критик, автор сборника «Сказки матушки Гусыни».

¹³ грозды (*устар.*).

¹⁴ *Настика* – атеист. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁵ Учение чарваки основано на *сутре* (писании) Вархапастии и коротком катехизисе Чарваки, Эпикура Индии, известном под названием «Афоризмов Вархапастии». Последователи оных отвергают все *праманы* – источники истинного познания, признавая лишь *пратьякшу* (познание посредством одних чувств) и всего четыре *тамвы* (*tattvas*, вечные принципы), то есть четыре стихии, из совокупности коих вытекает разум или, скорее, животный инстинкт, который только в человеке превращается в разум. Душа, учат они, не разнится от тела, развивается и умирает с ним. *Чарвака-сутра* – самая крайняя материалистическая школа Индии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Локаятикам.

Брихаспати (*англ.* Brihaspati).

будто стыдясь своей современной мизерной наружности, дворец махараджи. Он окружен со всех сторон башнями и уцелевшими куполами на плоских террасах старой крепости со многочисленными пробоинами и представляет, по замечанию Фергюссона, «страшную смесь всех стилей архитектуры», от сарацинского до джатского.

Миновав несколько старинных ворот со сводами и полуразрушенными стенами, на обломках коих часовые преспокойно спали или курили *челум*¹⁶, мы подъехали ко дворцу. Махараджи не было, он отправился пилигримом со свитой в Хардвар¹⁷. В первый раз по приезде в Индию мы вступали в жилой дворец раджи и, конечно, ожидали увидеть нечто волшебного-прекрасного. Разочарование было полное!..

Здание огромное, как и все дворцы раджей, но угрюмое, закопченное, со стенами, покрытыми плесенью, с бесконечным рядом галерей, веранд, башен и башенок, лестниц и корридоров. Внутри бесконечные ряды комнат, неизвестного назначения, но от первой до последней, от дурбарной «тронной» залы до малейшего чулана под крышей, каждая походила на кладовую продавца старой мебели. Всюду полы без ковров, каменные, но весьма неровные, неподметенные вероятно со дня отъезда раджи, так как каждый шаг подымал облака пыли, заставляя нас чихать и откашливаться. Комнаты, загроможденные полуизломанным хламом; ряды кресел и диванов когда-то золоченных, теперь же облезших, всех сортов и эпох, обитые драгоценным, но полинявшим штофом¹⁸; по стенам дешевые немецкие часы с кукушками (мы насчитали их штук восемь в одной комнате!), картинами с механизмом движущихся лодок и музыкой рядом с громадными, от потолка до полу, тысячными зеркалами; в библиотеке из драгоценного хрусталя и розового дерева с великолепнейшей резной работой шесть, семь томов шестипенсовых разрозненных романов Джемса¹⁹, да повсюду расставленные, словно на продажу, женские трюмо, поверхность которых вследствие многолетней сырости представляла географические карты, перекашивая наши отражения, словно корча нам по дороге рожи: вот что нашли мы во дворце независимого раджи!

Заметив, должно быть, отсутствие всякого восторга на наших откровенных лицах, встретивший нас на крыльце бородатый джат, который взялся было показать нам *царские* покои, желая заставить нас, вероятно, изменить мнение о великолепии дворца, повел нас в какую-то *секретную*, угловую комнату, посещаемую, как он нам сообщил весьма конфиденциально, всеми английскими *бара-саабами* (большими господами) и весьма хвалимую ими. Комната эта, которую он приказал старому дядьке отпереть каким-то особенным ключом тоже с секретом и вдобавок с музыкой, оказалась кругом обвешенною картинами во французском вкусе самого непозволительного содержания. Полковник насилу удержался, чтобы не обругать джата, а Нараян, еле взглянув, опрометью бросился вон из комнаты, облегчив целомудренное сердце целым потоком слов, которых мы не поняли, но которые, видимо, произвели на бородатого наперсника угнетающее впечатление. Он сильно растерялся и поспешил запереть «секретную» комнату, пробормотав нечто вроде извинения. Мы только поняли одно: все «бар-саабы» *феринги* и даже «мем-саабы», их дамы, посещали этот *европейский* «музей» и всегда очень весело смеялись. Вследствие такого поражения, однако, бородач поспешил ретироваться, оставив нас на попечении старого дядьки или воспитателя раджи.

Всюду та же грязь, пыль, безвкусица, запустение и ветхость. Сам махараджа не живет в своих «царских» покоях. Они предназначены восхищать заезжих белых варваров. Сам же он поселился уже давно в *зенане*, в терему, с полдюжиной жен. К сожалению, в Индии пример добродетели подданных подают не раджи и не принцы. Кроме последних, туземцы, от высшего брамина до последнего *кули*, строгие моногамисты, но зато их властелины-махараджи все до

¹⁶ Чиллум (*англ.* chillum, chilam) – приспособление для курения конопли, представляет собой небольшую прямую трубку, изготовленную из глины или других материалов (стекло, дерево и т.д.).

¹⁷ В Индии все большие и малые раджи отправляются по крайней мере раз в год на поклонение ко священным местам. Они обыкновенно совершают хотя часть пути пешком, одетые в бедное платье пилигрима-аскета, босиком и раскрашенные знаками своей секты. – *Примечание Е.П. Блаватской.*

¹⁸ Штоф – тяжелая шелковая или шерстяная ткань с тканым рисунком.

¹⁹ Генри Джеймс (1843–1916) – американский писатель, с 1875 г. проживал в Европе.

одного придерживаются многобрачия. Эти потентаты²⁰, так сказать, родились и живут вне касты, ибо бóльшая часть их никогда и не имела касты. Дед *холькара* Индорского родился простым пастухом; *гвалиор* из семейства Синдии – правнук лакея. Его прадед Ранаджи, первый Синдия²¹, служил доверенным слугой в 1714 году пейшве, который взял его семьи простых крестьян, а в 1782 году побочный сын Ранаджи, Синдия, сделался махараджей Гвалиорским²². Гайквары²³ Бародские, как самое их название означает, были сто лет тому назад погонщиками коров; а нынешний молодой гайквар²⁴, избранный правительством по изгнании несчастного Мульрао²⁵, обвиненного (и совершенно несправедливо) в попытке отравить полковника Фейра²⁶, политического резидента, – сын простого кули, дальнего родственника Мульрао, и т.д. Одни мусульманские раджи происходят, если верить им, все до одного от Фатьмы, дочери Пророка, а их женская линия от Магометовой кобылицы (sic), хотя способ эволюции от последней еще не совсем уяснен. Зато махарана Удейпурский, владетель Мейвара в Раджистане²⁷, без преувеличения и вовсе не ради красного словца, происходит чуть ли не от Адама. Во всяком случае, генеалогия этого царского дома объявлена английским правительством совершенно правильною и законною; а эта генеалогия указывает на Икшвака²⁸, сына Ману, великого мифического законодателя Арияварты как на родоначальника сих махараней. Икшвак же родился за 2225 лет до Р.Х.²⁹ Можно побиться об заклад, что не найдется во всей Европе рода стариннее этого. *Сурьяванзы* – потомки Солнца, имеют неотъемлемое право презирать самые древние английские фамилии, опираясь на ими же признанную родословную. В свое время мы поговорим подробнее об этих горделивых останках прошлого и невозвратимого величия!

– *Old curiosity shop* (bric-à-brac)³⁰, – пробормотал все еще сердитый полковник, оглядываясь. – А где же Такур-саиб? – внезапно осведомился он. – Разве мы не увидим его более сегодня? Нараян!.. Мульджи!.. Не знаете ли, где Такур?

– *Маха-саиб* (великий господин) никогда не входит во дворец бэртпурских владетелей, – шепнул нам на ухо Нараян. – Он уехал вперед в Диг и ожидает нас завтра туда к *чотта-хазри*³¹ (к завтраку)...

– Гм! – промычал президент, разглядывая китайского фарфорового мандарина с разбитым носом. – Вечер значит пропал... А не знаете вы, любезный Нараян, почему это Такур-саиб избегает... жилища здешнего раджи?

Махрат видимо смутился.

– Я не имею права, полковник, вмешиваться в частные дела и... и обсуждать их... особенно действия *маха-саиба*, – отвечал он, наконец, запинаясь.

Но любопытство полковника было не из тех, которое можно было остановить замечанием. Он обратился к старому воспитателю раджи, который плелся за нами, окруженный привратниками со связками ключей. Вопрос был повторен старику. Услышав его, древний джат вдруг смутился еще сильнее Нараяна.

В первую минуту он совершенно растерялся. Затем принялся подобострастно кланяться и уверять полковника, что он, американский сааб, – «покровитель бедных» и «благодетель вдов и сирот»; после чего хитро отвел прямой вопрос, будто вдруг спохватясь, что солнце уже село и

²⁰ Потентат (*лат.* potentatus верховная власть) – властелин, властитель.

²¹ Раноджи Рао I Синдия (?–1745) – основатель княжества Гвалиор.

²² Махаджи Синдия (1730–1794).

²³ гаеквады (*англ.* gaekwad, gaikwad, guicowar, gaekwar).

²⁴ Саяджирао Гаеквад III (Sayajirao Gaekwad III, 1863–1939) – махараджа Бароды (1875–1939).

²⁵ Он умер в изгнании в 1882 году в Мадрасе. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Малкар Рао Гаеквад (Malhar Rao Gaekwad, 1831–1882) – махараджа Бароды (1870–1875).

²⁶ Роберт Фейр (1820–1897) – британский генерал, резидент Бароды (1873–1874).

²⁷ Саджан Сингх (Sajjan Singh, 1859–1884) – махарана Удайпура (1874–1884).

²⁸ Ишваку (*англ.* Ikshvaku).

²⁹ См. *Asiatic Researches*, «*Vansavali* – родословное дерево рода Сурьяванз (потомки Солнца) из племени Раджистана». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

³⁰ *Магазин старых диковинок* (хлама) (*англ., фр.*).

³¹ чота-хазри (*англ.* chota-hazri).

сейчас же стемнеет. Кончилось тем, что он вместо ответа пригласил нас в назначенное для нас помещение. Полковник с тем и остался.

Нас поместили в огромном отдельном флигеле, который сообщался с главным зданием крытою террасой прямо с крыши нашего помещения. Комнаты наши, хотя и менее загроможденные мебелью, представляли все-таки невообразимый хаос. И здесь, как и во дворце, оказалось сборище самых разнохарактерных украшений. Пузатые кресла с прямыми, неудобными спинками, вывезенные, вероятно, еще покойною Компанией из Англии, казалось, пятились и сторонились как кровные англичане «высшей расы» от затейливых, черного дерева, резных стульев работы «низшей расы». На провалившемся биллиарде росла из глубоких, засоренных землей и пылью щелей травка. Мраморные подзеркальники на золоченных и хрустальных ножках с растреснувшими плитами подпирали покосившиеся от времени дорогие старинные зеркала. Стены были сплошь покрыты портретами раджей, написанных масляными красками и во весь рост; а рядом с ними висели лубочные картины дешевого английского фабричного произведения с лордами и леди спортсменами верхом на малиновых лошадях в сопровождении бегущих за ними бледно-розовых и зеленых собак. В простенке, между углов столовой, под такую же лубочную картину из французских нравов, представлявшей турнир барышень на коньках с носами, спрятанными в муфтах, с пудовыми икрами и в голубых ботинках, валялись кой-как прислоненные к стене дюжины две картин так называемой работы Дельи. На толстом пергаменте с золотыми надписями на *урду* – явно легенды сюжетов – и стихами из Корана они изображали различные исторические *дурбары* могольских и индийских раджей и властелинов. На одной из них, в квадратный ярд³² величиною, было изображено до 80 человеческих фигур. Все они раболепно, кроме фигурки в синем мундире, эполетах и с красными усами, стояли со сложенными на груди руками и наклоненным корпусом в направлении восседающего на троне какого-то раджи. Пестрило в глазах от одного взгляда на эту расписанную самыми яркими красками группу, но, как и все восточные произведения, без теней и без грунта. Комната освещалась лишь одною большою висячею медною лампой и пламя фитиля, погруженного самым примитивным манером прямо в кокосовое масло, раздуваемое во все стороны сквозным ветром изо всех безоконных отверстий и ажурных дверей, освещало предметы весьма неясно. Ни я, ни даже полковник не обратили внимания на эту картину, полувыдвинутую из-за других стоявших вверх ногами изображений *дурбаров* и охот.

Нас, видимо, старались принимать и угощать по-европейски. Обеденный стол был найден во владении целой колонии красных муравьев; и так как оказалось невозможным спровадить их, не убив нечаянно нескольких, преступление, предусмотренное законами Ману и на которое дядька-джат не решался, то нам притащили другой стол. Мраморная с великолепною мозаичною работою доска на трех золоченных надломленных ножках тотчас же рухнула под тяжестью целой груды тарелок к ужасу дядьки-воспитателя, усмотревшего в этом падении явное предзнаменование чьей-нибудь неожиданной смерти. К нескрываемому отвращению наших индусов нам принесли целую корзину французских вин и ликеров, а к неопisanному изумлению старого джата-дядьки веселящие душу напитки были тотчас же с позором изгнаны полковником. Воспитатель никак не мог взять в толк, чтобы «саабы-феринги» могли отказываться от вина и водки. Его удивлению не оказалось границ, когда к довершению эксцентричности, видимо показавшейся ему сумасбродством, мы попросили его дать нам поужинать по-туземному, на циновке и с листьями платанов вместо блюд и тарелок...

Было всего восемь часов вечера, когда, окончив нашу трапезу на полу в сомнительно приятном обществе двух громадных сороконожек, которые скрылись от нашего преследования в приготовленной мне спальне, мы стали перетаскивать со всевозможными предосторожностями несколько расшатанных кресел на веранду, где, наконец, и уселись, собираясь подышать после знойного дня вечерним воздухом. К нашей компании скоро присоединились два посетителя, помощник или секретарь девана, проводивший нас утром со станции, и толстейший бенгальский бабу, инспектор школ махараджи, единственные в Бэртпуре люди, говорившие по-английски.

³² 0,91 м.

Любознательный полковник засыпал их вопросами. Через час мы знали не хуже их всю подноготную махараджей Бэртпурских и Павлиньего царства.

Между прочими историческими сведениями мы узнали, что нынешний раджа, выдаваемый англичанами за настоящего, законного наследника трона, есть в глазах своих подданных узурпатор, хотя в этом преступлении виновен не он, а правительство. В 1825 году по смерти Бульдео Синга³³ раджа должен был по закону перейти к брату его, Дуржун-Салю, ибо, во-первых, сыновья раджей не могут быть их наследниками и вступают на престол только за неимением братьев и племянников (сыновей сестер, а не братьев), а во-вторых, у покойного раджи был всего один сын, да и тот незаконный. Дуржун-Саль имел за себя огромную партию и законы Ману. Но у Ост-Индской Компании были солдаты с пушками и право хитрейшего, если не сильнейшего. К тому же, как теперь, так и тогда, Джон-Булль настаивал на своем праве быть всемирным защитником слабого и невинного и под предлогом протектората проглатывать слабого и невинного вместе с его царством. Непрошенные опекуны явились и тут. Их политика состоит в том, чтобы допускать ко владению только тех раджей, которые воспитаны ими самими по мудрому шаблону Меттерниха³⁴ в отношении к Наполеону II³⁵, злополучному императорскому принцу. Подобно герцогу Рейхштадтскому, все эти индийские раджи гибнут *à la*³⁶ маркиз де Сад³⁷ благодаря своим английским воспитателям, которые с первого же дня ведут их незаметно на путь ранней гибели от разврата и пьянства³⁸.

Итак, невзирая на то, что Дуржун-Саль уже сидел по выбору народа на престоле, в 1826 году явилась безо всякого повода спасать малолетнего, незаконнорожденного принца армия в 20000 человек со 122 пушками. Армия была отражена с великим уроном, как рассказывают, «самим богом Кришною и священными павлинами Сарасвати», коих двадцать тысяч спустились на армию, причем павлины, сев на головы солдатам, принялись отчаянно выклевать им глаза. Англичанам не удалось тогда взять приступом город. Но они вернулись через месяц и (перевозу со слов бэртпурской хроники), «воспользовавшись тем, что Кришна совершал в то время *топас*³⁹», но вероятнее всего, благодаря быстроте действия, армия перерезала, как уже сказано выше, дорогу инженерам раджи ко спасительному пруду, а затем перерезала и неповинных жителей, по уверению рассказчиков, до 9000. После этого, поймав удиравшего с женами и двумя сыновьями раджу Дуржун-Саля, англичане отправили злополучного принца в Бенарес на вечное житье, великодушно ассигновав ему на издержки 50 фунтов стерлинг[ов] (500 рупий) в месяц. Раджа умер в 1851 году, оставив двух сыновей и несчетное число внуков. Мизерная пенсия разделилась между сыновьями и махарани-матерью. Потомки Бульдео Синга стали помаленьку вымирать, что было весьма с руки правительству.

³³ Балдео Сингх (Baldeo Singh, ?–1825) – махараджа Бхаратпура (1823–1825).

³⁴ Клеменс Меттерних (1773–1859) – австрийский дипломат, министр иностранных дел Австрийской империи (1809–1848).

³⁵ Наполеон II (Франц, герцог Рейхштадский, король Римский, 1811–1832) – сын Наполеона I Бонапарта.

³⁶ как (*фр.*).

³⁷ Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (1740–1814) – французский аристократ, писатель, философ; проповедник абсолютной свободы, не ограниченной ни нравственностью, ни религией.

³⁸ Молодой раджа Куч-Бехарский, которого я встречаю каждое лето в Симле, в Дарджелинге и на холмах миссурских, сделался теперь чистокровным англичанином; пьет шампанское бочками, одаривает всех *belles de la saison* <красавиц сезона, *фр.*> – «мэм-сааб[ов]» и *миси-биби* <европейских дам и индийских юных леди; *missy* – юная мисс (обращение), *bibi* – жена-неевропейка, *англ.*>, – которые ему делают *великую честь* провальсировать с ним, драгоценными браслетами, колье и брошками, разоряется на спорт и кутеж, делая все это не только с согласия, но и с одобрением не отходящего от него ни на шаг воспитателя полковника Х. А ему нет еще и двадцати лет! Даже юные девицы не стыдятся принимать от него дорогие подарки. Понятно, какой будет правитель Куч-Бехарского раджа. А сломит он себе голову или допьется до чертиков, благодушные отцы-правители тотчас, под тем предлогом, что они законные опекуны, сперва заберут все управление в свои руки, а затем и *аннексируют* потихоньку его царство. Тепло и сыто, и приличия соблюдены. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Куч-Бехар, Куч-Бихар (*англ.* Koch Bihar).

Ньипендра Нараян (Nripendra Narayan, 1862–1911) – махараджа Куч-Бехара (1863–1911).

³⁹ Религиозная *медитация*, предписанная всем богам, как и людям: самопогружение в Брам, который сидит у каждого смертного в сердце. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Тапас (*англ.* tapas).

А теперь позволяю себе маленькое отступление и забегаю на минуту для ясности рассказа вперед.

В 1880 году, во время нашего пребывания в Бенаресе, мы познакомились с единственным оставшимся в живых внуком. Остальные все перемерли с голоду. На присланной нам карточке красовалось:

«Рао Кришна Дева Сурна Синг. Внук махараджи Бэртпурского».

Рао Кришна оказался весьма образованным и красивым молодым человеком. Вдобавок к этому, мы тотчас же вспомнили тогда, что он был героем очень таинственной, хотя и весьма неправдоподобной истории, рассказанной нам в Бэртпуре нашими двумя посетителями, которую я теперь и передаю.

Его отец, сын изгнанного раджи, уже совсем умирая с голоду (пенсию, наконец, прекратили, воспользовавшись восстанием 1857 года), выучился фотографии и питался тем, что снимал портреты с пилигримов ко священным берегам Гангеса и виды разных храмов и капищ. Платить за образование единственного сына он не имел средств, а правительство отказывалось помочь. Религиозный до фанатизма, он отправился в один прекрасный вечер – в день затмения луны, величайшего у индусов праздника, – во храм своего патрона Кришны. Невзирая на оплошность *аватара* Вишну касательно столицы бывшего царства отца его, он не переставал приносить ему жертвы когда только мог. В тот вечер у злополучного сына махараджи было пусто в кармане и пусто в желудке. Перебирая четки, сидя на корточках пред идолом, он с горя заснул. Какой-то ученый материалист и физиолог выразил мнение, что видения являются смертным только вследствие туго набитого желудка; но на сей раз было исключением в пользу голодающего: юный бог явился к нему во сне и, указав на густое дерево в саду занимаемой раджой лачуги, сказал ему: «Копай под этим деревом во время каждого полнолуния и, доколе останешься верным мне, будешь находить ежемесячно на южной стороне онога 1000 серебряных рупий». Проснувшись и вспомнив, что в ту ночь было как раз полнолуние, принц-фотограф отправился восвояси и, вооружась заступом, стал копать. Кришна сдержал слово, и тысяча рупий были найдены. Тогда в порыве благодарности принц дал обет отправляться каждый год с сыном на поклонение богу, любимцу пастушек, в некий известный храм близ Хардвара. На следующий месяц на полнолуние – тот же результат: тысяча рупий под деревом. Единственному его сыну, Рао Кришне (имя, прибавленное к прежним отцом его в благодарность божественному патрону), было всего тогда восемь или девять лет. Каждый месяц бог Кришна клал мешок с рупиями под дерево и каждый год отец с сыном отправлялись пешком и босиком к далекому храму с посохом в руке и в полном костюме индийских аскетов, то есть в легком и первобытном одеянии Адама.

А теперь прошу читателя приготовиться к вышеупомянутому невероятному рассказу. Невзирая на все неправдоподобие, среди двухсот пятидесяти миллионов туземного населения Индии подобные рассказы весьма обыкновенны и для туземцев не имеют в себе ничего невероятного.

Когда Рао Кришне минуло четырнадцать лет, отец взял его, по обыкновению, с собою на ежегодное поклонение. В тот год между пилигримами свирепствовала сильная холера, убивавшая жертву менее чем в час, и они мерли как мухи по дороге. На поляне у деодорского⁴⁰ леса заболел и наш юный Рао; отец его с ужасом и отчаянием заметил, что мальчик умирает. Заметили это и шедшие с ними другие пилигримы и *санньязи* и тотчас же, дабы не оскверниться прикосновением ко трупам при подаваемой помощи, разбежались... Осталась наблюдавшая издали группа богомольцев... Они-то и разнесли по Индии совершившееся на их глазах.

Мальчик умер, и отец оглашал весь лес воплями отчаяния и безысходного горя. Он заклинал товарищей-пилигримов помочь ему хотя соорудить костер для сожжения трупа; наконец, двое из них решились оскверниться и подошли. Мальчик лежал посиневший и совсем мертвый, и над ним были совершены все предписываемые Ману обряды. Прошло несколько часов, костер был готов и оставалось лишь положить на него мертвое тело, как вдруг пилигримы увидели неизвестно откуда появившуюся новую и совершенно незнакомую им личность... То был старик-аскет лет за сто. Тройной священный шнурок через плечо указывал, что он брамин, а знак на лбу черною и белую

⁴⁰ деодарского (*англ.* Deodar).

краской, что он принадлежит к секте Веданты, называемой *адвайти*⁴¹. Тихо и едва волоча ноги, он подошел к лежавшему в стороне труп и, наклонясь над лицом умершего, долго и не трогая тела вглядывался в него. Отец и другие пилигримы, видя тройной шнурок, не смели подойти ближе и молча глядели издали на немую сцену. Впрочем, старик-отец был, как рассказывают, до того убит горем, что, может быть, и не обратил бы на него внимания, если бы тут не произошло нечто весьма странное. Аскет, стоявший до того неподвижно, стал мало-помалу шататься и склоняться все ниже и ниже к покойному. Еще секунды две, три и паломники увидели, как задрожало дряхлое тело, как подкосились ноги... Внезапно грохнув на землю, старец, точно подкошенный сноп, вытянулся рядом с мертвым юношей и... в ту же секунду, высоко вскинув руками, последний сел и, дико озираясь по сторонам, стал, к ужасу пилигримов, манить их к себе потихоньку рукой...

Когда прошла первая минута смятения и ужаса и отец с воплем радости кинулся к воскресшему сыну, подошли и другие паломники. Осмотрев тело аскета, они его нашли окоченевшим и мертвым. Но страннее всего было то, что он казался как бы умершим уже за несколько до того часов. На теле его виднелись все холерные признаки: черные пятна, опухоль и скорченные ноги, в то время как с тела юноши, еще за несколько минут до того начинавшего, как казалось, разлагаться, все эти признаки исчезли, не оставив за собою и следа. Тело его было чисто и казалось совершенно здоровым. Словно старик и юноша поменялись организмами...

Нравоучение и объяснение: все на свете *майя*, иллюзия, и нам не следует даже и смерти верить. Индусы глубоко убеждены в тайном могуществе *мантр* и *мантриков* (заклинательных молитв и заклинателей), а также и в способности адептов тайных наук бесцеремонно переселяться в случае надобности в тела других людей, пользуясь глубоким сном, болезнью или даже смертью последних. Поэтому они и объясняют случай с Рао Кришной тем, что старику-аскету надоело жить в своем дряхлом и брэнном теле. К тому же он, вероятно, тронулся отчаянием осиротевшего отца. Вследствие сего двойного резона и уверясь в смерти мальчика, почтенный аскет прочел *мантру*, вылез из собственной кожи и влез в тело умершего, которого тем самым и оживил. При этом «все выиграли, обе стороны остались довольны и никто ничего не потерял».

– Как никто не потерял? – спорили мы с рассказчиками. – Мальчик-то сохранил одно живое тело или, скорее, дряхлый старик приобрел себе новое... А ведь духовную личность свою, индивидуальность души бессмертной, Рао Кришна уж, наверное, потерял!

– Весьма ошибочное рассуждение, – отвечали нам тогда, как и позднее, ведантисты. – Вера в индивидуальность духа нашего и его собственную личность есть самое сильное и изо всех заблуждений самое опасное. Это, по-нашему, ужасная *ересь*. Бессмертный дух не отличен от Всемирного Духа...

– Так по-вашему и во мне сидит Парабрама? – спрашиваю я их.

– Не он в вас, а так сказать, вы в нем имеете вечное бытие, и ваш дух (*атман*⁴²) ничем не отличается от духа другого человека... А душа, то есть седалище вашего личного, присущего вам одной разума, – конечно, ваша...

– Благодарю вас хоть и за то... Так не все ли равно?

– Конечно, не все равно. Ведь душа (*манас*, или жизненная душа) не может быть, подобно духу, бессмертной. Дух есть часть божественного, несотворенного Парабрамы, без начала, как и без конца, а разум, имея начало, должен иметь и конец. *Манас* рождается, развивается и умирает. Вследствие этого он не может быть бессмертным. Пример: зачерпните рукой несколько капель воды из океана, сожмите их в горсти и пусть сделает то же ваш сосед. Ваши руки – две совершенно одна от другой отличные руки; одна белая, другая темно-коричневая; но зато они и не бессмертные, а рано ли, поздно ли, обратятся обе во прах, а вода в обеих горстях из одного безбрежного, бесконечного океана – олицетворение в нашем случае Парабрамы – должна вернуться в том или другом виде к первоисточнику своему, к единой *Параматме* (высшая всемирная душа)... Поняли?

⁴¹ *Адвайти* (не дуалисты) – секта, противная *двайтам* (дуалистам); они не признают богов, а одного Парабраму, то есть мировую божественную эссенцию, которая по вездесущности своей не отлична от эссенции духа человеческого. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁴² «Атма или Атман (санскр.) Вселенский Дух, божественная Монада, так называемый седьмой принцип в семеричном строении человека. Высшая Душа» (*Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1998. С. 63.*)

– Ровно ничего не поняла; но это ничего не значит. Вы верьте себе на здоровье, а я еще подожду...

Так учили нас наши индуcы-теософы, подтверждая нам рассказанную историю. Впрочем, это учение одних ведантистов, последователей Шанкарачарии, величайшего адепта и *йога* южной Индии. Двайты, Висиштадвайты⁴³ и Брамo⁴⁴ отвергают оное и верят в личность божественную, *Ишвара*, отделяя оную от души человеческой.

В те дни нашего первого путешествия мы еще не были знакомы ни с этою доктриной, ни с происшествием, ни даже с его героем, который первый отвергает его истинность, хотя и хорошо помнит свою мнимую смерть. Мы отнеслись к рассказу поэтому с большим сомнением и очень этим огорчили наших друзей.

– Но ведь это вольнодумство, – упрекали они нас хором. – Ведь такие *факты* известны по всей Индии и много, много было таких *исторически* известных случаев. Сам великий Шанкарачария, истолкователь Веданты, переселялся несколько раз при жизни в тела раджей, дабы исправлять их несправедливости и помогать народу. Припомните его полемику с богиней Сарасвати.

И чтоб уверить нас в справедливости рассказанного происшествия, они повторили нам следующее из жизнеописания великого *ачарии* (учителя).

В Мадхане (VIII, 34)⁴⁵ находится рассказ о том, как он перехитрил Сарасвати, богиню тайных наук и премудрости. В образе простой смертной богиня как-то вступила в ученый диспут с Шанкарачарией. Она желала ему доказать, что есть вещи на свете, о которых даже и он не знает. Получив удовлетворительные ответы на вопросы по всевозможным отраслям знания, Сарасвати вдруг поставила его в тупик, потребовав у него определение *науки любви*, о которой Шанкарачария как аскет и йоги с восьмилетнего возраста, конечно, ничего не мог знать. Тогда, дабы не посрамиться пред свидетелями, Шанкарачария просил отсрочки на один месяц. Богиня, уверенная, что ни один обреченный на безбрачие и целомудрие *санньязи* не в состоянии ей ответить на ее вопрос, согласилась и заранее торжествовала победу. Но великий комментатор *Упанишад*⁴⁶ призвал на помощь *дженьяна-канду*⁴⁷. Эта *канда* есть тайная наука или правильное понимание *Вед*, нечто доступное лишь весьма немногим избранникам (*радж-йогам*), тогда как *карма-канда* есть то учение *Вед*, которое предоставлено невежественному большинству, неспособному воспринять истину вне наружного ритуализма и грубого поклонения форме и мертвой букве. И вот с помощью *канды* Шанкарачария выиграл дело. Он тотчас же оправился с учениками на восток Амритапуры⁴⁸, где только что скончался раджа Амарак и, вмешавшись в толпу его горюющих придворных, решился на самое практическое в этом случае дело. Стоило лишь взглянуть на красивое тело покойника и на отчаяние его 99 жен, дабы придти к убеждению, что раджа был мастер в *науке любви*. Поручив ученикам присмотр за своим временно покидаемым телом, Шанкарачария (или, скорее, его душа), выскользнув из «ножен»⁴⁹, перешел в безжизненные *ножны* раджи. Иллюзия воскрешения была полная. В один месяц Шанкара-раджа изучил «науку любви» в совершенстве и не только изучил, но и сам написал превосходный трактат в двух отделах. В первом любовь им описывается в самых ярких красках и привлекательность этой

⁴³ вишишта-адвайты (*санскр.* viśiṣṭa-advaita).

⁴⁴ Члены общества «Брахмо-самадж».

⁴⁵ Мандана Мишра (Maṇḍana Miśra, VII–VIII вв.) – индийский философ, последователь мимансы, а затем адвайта-веданты.

⁴⁶ Упанишады, третье подразделение *Вед*, называется также *rahasya*, или мистическое учение. Следует иметь ключ к тайному кодексу, чтобы понять в совершенстве эти метафизические концепции человеческого ума. Как справедливо заметил профессор Monier-Williams, Упанишады суть единственная религиозная школа, достойная глубоких мыслителей Индии. Это священные книги всех образованных туземцев. Упанишады, истолкованные Шанкарачарией, суть краеугольный камень *Веданты* (то есть «завершение или конец всей земной науки»). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Рахасья (*англ.* rahasya).

⁴⁷ джнана-канду (*санскр.* Jñāna-Kāṇḍa).

⁴⁸ Амритапури (*англ.* Amritapuri).

⁴⁹ *Kosha* (ножны) – термин, употребляемый ведантистами, когда они говорят о теле. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

иллюзии воспеваются в столь же пламенных, как и ученых, *слоках*⁵⁰ (стихах); во втором отделе все доводы, вся блестящая софистика первого – все это сокрушается, разбивается во прах самим же автором. Он уничтожает доводы своей первой диссертации и указывает на горькие плоды, порождаемые привлекательным цветом коварного «древа любви»... Под мудрым управлением раджи Шанкары в «ножнах» раджи Амараки народ блаженствовал; а хитрые брамины, знакомые с *дженьяной-кандой*, заподозрив правду и желая воспользоваться во что бы то ни стало и как можно долее управлением такого мудреца, пошли на хитрость. Дабы воспрепятствовать возвращению в собственное тело тому, кто завладел телом покойного, по-видимому, воскресшего царя, они издали тайный указ, повелевший приступить немедленно к *сожжению всякого находящегося на их земле мертвого тела*. Таким образом и действуя тайно от царя, они рассчитывали, что погибнет и тело неизвестного им адепта, радж-иога, который так кстати поселился в трупе их прежнего красивого, но глупого раджи. «Ножны» Шанкарачарии, хотя и под верною охраной его учеников, были найдены и отнятое тело брошено на приготовленный костер. Благодаря *иог-видье*, однако, Шанкарачария тотчас почувствовал, что с его с законными «ножнами» что-то неладно и тут же прозрел, что его желают насильно задержать в теле раджи. Тогда немедля он выскользнул из не принадлежащей ему *коши* и, предоставив пустую шелуху раджи на этот раз неминуемой ее участи, вернулся в собственное свое тело, которое нашел уже окруженное пламенем. Оно не сгорело только благодаря окружавшей оное, так сказать, кольчуге из несгораемого, хотя и *невидимого* материала. Вернувшись в Бенарес, он поразил даже богиню тайной мудрости Сарасвати своими глубокими сведениями по части «науки любви». Она объявила себя побежденною, а Шанкарачарию признала величайшим *риши* (мудрецом и святым).

Понятно, что если самые священные для индусов *шастры* и *Пураны* (древние предания), и даже *Упанишады*, считаемые браминами божественным откровением, полны таких рассказов о перелезании души из одного тела в другое, то было бы несправедливо глумиться над индусами. Для них вера в подобные чудеса естественна и священна, и я привела этот эпизод из жизни Шанкарачарии, признаваемого ориенталистами за одного из замечательнейших философов Индии как пример, оправдывающий в туземцах веру в то, на что *мы*зираем как на глупое суеверие. Религиозные чувства индуса и раджпута оскорбляются здесь на каждом шагу. Священный им *пипал*, убежище чистых духов, падает ежедневно под топором английского плантатора; а по павлину, птице, посвященной Кришне, стреляют с такою же равнодушною беззаботностию под самым носом у туземца, как если бы то была ворона. Англичане не понимают, да и не хотят понять, что каждый такой удар топора и пули отзывается в сердце благочестивого индуса, расширяя с каждым часом все более и более ту бездну ненависти в душе беззащитного туземца, которую сами же англичане собственноручно и выкопали в ней. Насколько сознают это англичане, легко убедиться из их собственных признаний.

«Не разумно и не достойно философа и даже просто честного человека, – говорит полковник Годд, – относиться к народным поверьям такой глубокой древности презрительно. Чужд должен быть тот человек милосердию, кто смеется над ними; неосторожен тот в политике, кто не употребляет всякого средства для предупреждения таких оскорблений вследствие невежества либо необдуманности. Это попросту – злоупотребление нашею силой, невеликодушное проявление силы над их (туземцев) слабостью. Вспомним, кто такие наследники этих древних храмов, покровители священных пипала и павлина: то дети *Сурьи* и *Чандры* (солнца и луны), потомки древних мудрецов, наполняющие в настоящее время ряды нашей храброй армии, внимательные, хотя и безответные наблюдатели всех наших поступков: самые верные, преданные и послушные из смертных. Постараемся же сохранить их послушание и преданность, уважая их веру и не оскорбляя в них ежечасно чувства собственного достоинства и национальной гордости... Спросим себя, положа руку на сердце, сделали ли мы *тех, кто завоевали для нас почти всю Индию*⁵¹, счастливее или же разорили их, поправ вдобавок под ногами все, что есть только священного для них.

⁵⁰ шлоках (англ. sloka).

⁵¹ Как ни странно звучит такое признание, оно остается и останется фактом: «покорители Индии» не англичане, а индусы. Недавно доведенные до бешеного отчаяния бенгалийцы вследствие невыносимых ежедневных оскорблений печатным словом и делом в ответ газете *Englishman* (Калькутта) напечатали брошюру, в коей опровергают пункт за

Для общего блага, для обоюдного счастья правителей и управляемых постараемся же поправить все наши прошлые ошибки... Торжественно заявляю здесь, что я любил и люблю солдата-индуса. Я доказывал, на что он способен, когда раз привяжется к начальнику. В 1817 году тридцать два стрелка из моего конвоя атаковали, разбили и разогнали лагерь неприятеля в 1500 человек, взяв в плен и убив втрое более, чем было их самих. А что слышим мы из индийских Фермопил, Коригаума⁵²? 500 стрелков против 20000 человек, которых они обратили в бегство! Найдите мне в летописях Наполеона что-либо великолепнее и достойнее удивления... А много ли благодарности получили они, наши храбрые сипаи, и их соотечественники взамен всего этого?»⁵³

А вот получили теперь и получают ежедневно благодарность от 60000 англо-индийцев, во главе коих стоят все английские газеты Индии, особенно *Englishman*. В 1857 году неуважение и ежедневные оскорбления вызвали мятеж сипаев. В 1883 году, то есть в настоящую минуту, происходит, разрастаясь ежедневно с большею силой, мятеж бенгальских бабу! Но последствия первого *митинга* англо-индийских плантаторов и лавочников в калькуттской городской ратуше, после того как им сделался известен так называемый *Ilbert's bill*⁵⁴, не ограничились одними общими столкновениями и невинною перебранкой. Законное и весьма достойное уважения желание лорда Рипона, прозванного теперь «бабу Рипон», оказать, наконец, самую простую справедливость туземцам, предоставив их образованным, состоящим на коронной службе судьям

пунктом *воображаемое* завоевание Индии англичанами и называют оное «хвастовством», доказывая это официальными рапортами и перепиской англо-индийского правительства с *Foreign Office* <министерством иностранных дел, *англ.*>. Брошюра вышла под названием *Our Conquerors who are they?* («Наши завоеватели, кто они такие?»). В ответ на возгласы: мы принадлежим к высшей расе завоевателей и не позволим правительству подчинить нас юрисдикции людей, принадлежащих к *низшей*, автор брошюры пишет: «На это хвастливое *vae victis* <горе побежденным, *лат.*>, которое нам жужжит в уши с первого дня отпора биллю Ильберта, мы отвечаем раз навсегда следующее: покорили Индию не вы, не ваши европейские солдаты, а наши сипаи, индусы, и мы бросаем вам перчатку, вызываем целую нацию опровергнуть нас, если можете!» Затем автор перечисляет все пункты, завоеванные для Англии индусами, от Пласси до последнего мятежа, когда Англия была спасена сикками. Он напоминает англо-индийцам слова многих генералов, слова напечатанные и теперь уже принадлежащие истории. Так лорд Маколей сравнивает преданность сипаев лорду Клейву с преданностью 10-го легиона Юлию Цезарю и старой гвардии Наполеону; далее автор повторяет сделанное тем же историком сравнение индусских сипаев с солдатами Морица Саксонского и слова лорда Корнвеллса, порицающие английских солдат, и его похвалу индусам: «*Бригада наших сипаев способна сделать кого угодно императором Индостана*» и т.д. (См. *Kaye's Life of Cornwallis* <«Жизнь Корнуоллиса» Кея, *англ.*>, стр. 75).

«Черный акт» (*The Black Act*), стесняющий свободу печати отменен, и англичане *volens nolens* <волей-неволей, *лат.*> проглотили горькую правду. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Билль Ильберта предлагал поправку к существующим законам, предоставлявшую магистратам и судьям индийского происхождения право судить английских подданных. Этот законопроект повлек акции протеста со стороны англо-индийцев, и в случае его принятия однозначно привел бы Индию к кровавой войне между англичанами и коренным населением. В конце концов, билль провалился, он был принят в сильно компромиссном виде.

Битва при Плесси (*англ.* *Battle of Plassey*) – сражение у берегов реки Бхагиратхи в Западной Бенгалии, в котором 23 июня 1757 года британский полковник Р.Клайв, представлявший интересы Британской Ост-Индской компании, нанес сокрушительное поражение войскам бенгальского наваба Сирадж-уд-Даула, на стороне которого выступала Французская Ост-Индская компания.

Роберт Клайв (1725–1774) – британский генерал и чиновник, утвердивший господство Ост-Индской компании в Южной Индии и Бенгалии.

Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) – британский государственный деятель, историк, поэт, прозаик.

Колин Кэмпбелл (1-й барон Клайд Клайдсдельский, 1st Baron Clyde of Clydesdale, 1792–1863) – британский государственный и военный деятель, фельдмаршал.

Чарльз Корнуоллис (Cornwallis, 1738–1805) – британский военный и государственный деятель, генерал-губернатор Ост-Индской компании и главнокомандующий британскими войсками в Индии (1786–1793, 1805).

Мориц Саксонский (1696–1750) – французский полководец.

Речь идет о труде Дж. Кея «*Lives of Indian officers*» («Жизнеописание индийских офицеров», 1867).

«Черный акт» – закон Vernacular Press Act от 14 марта 1878 г., принятый с целью подавления свободы национальной печати в Индии, которая, по мнению английских властей, вела бунтарскую пропаганду против правительства. По этому закону для газет на местных языках предусматривалась предварительная цензура в полиции. Закон был отменен в 1881 г.

⁵² В сражении при Корегаоне (*англ.* *Koregaon, Korigaum*) 1 января 1818 г. войска пешвы Баджи Рао II потерпели окончательное поражение от британских войск.

⁵³ *History of Rajasthan*. Vol. I, p. 74. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁵⁴ билль Ильберта (*англ.*).

одинаковые с английскими судьями права, вызвало неслыханную и никем неожиданную бурю со стороны *non-civilians*⁵⁵, то есть вышеупомянутых, не состоящих на гражданской и военной службе плантаторов и спекуляторов. За последними, кто секретно, а кто и открыто, последовали чиновники и офицеры. Посыпались градом на ничем неповинных бабу такие оскорбления и насмешки, что надо быть положительно *индусом* и иметь терпение самого кроткого мула, чтоб ежедневно и ежечасно глотать их, еле отвечая на них, придерживаясь пока только оборонительной системы. Но ураган все усиливается. Он перешел сперва из Калькутты во все города и местечки Бенгалии, а теперь нет того города и деревни, которые не откликнулись бы на вопли оскорбленных бабу. Дело уже дошло до парламента. В газете *Englishman* за подписью (псевдоним) «Чау-Чи-Чфу» появилось якобы объявление: «Требуются несколькими европо-азиатскими семействами большая партия водоносов, парашников, кучеров, *подметальщиков у мясников etc.*; никто, кроме бенгальских бабу, не получит этих мест. Объявители предпочитают отставных коллекторов, судей и коронных адвокатов» и т.д. в этом роде. Тогда бешенство оскорбленных бабу, да и всей нации, дошло до последних пределов и они стали отвечать такими же оскорблениями. В парламенте г. О’Доннел⁵⁶, один из вожаков ирландской партии, обратил внимание палаты на это страшное, «незаслуженное оскорбление»; помощник секретаря, г. Кросс⁵⁷, отвечал, что он читал этот «бесчестный пасквиль», что англо-индийскому правительству уже послана инструкция и что *Englishman* будет, вероятно, привлечен к суду за разжигание страстей посреди рас и без того уже взаимно враждебных. Не тут-то было, бедный «бабу Рипон», заварив кашу, сам не знает, как ее теперь расхлебывать. Это внушение безо всяких последствий только разожгло еще более наших бабу. Вот уже более трех месяцев как издания ежедневные, еженедельные и ежемесячные наполнены только этим. Несчастливого раджу Шиву Пфасада⁵⁸, который осмелился сказать несколько слов в вице-королевском совете против *билля*, сожгли и все еще жгут (*in effigies*⁵⁹, конечно, то есть манекен его) во всех городах Индии. Всюду *митинг-монстры*⁶⁰, протесты, адреса⁶¹ и пламенные спичи. Стон и гул стоят столбом над Индией. Туземная печать в первый раз со дня ее существования поднялась как один человек, а в англо-индийском лагере поднялись, в подмогу мужьям и братьям, амазонки, *мэм-саабы* и *мисси-биби*. На шесть тысяч собранных подписей под ходатайством англо-индийского прекрасного (но презлющего) пола в «дамском адресе королеве» *против билля туземки* отвечают «адресом» к ее величеству *за билль* за подписью 300000 имен. Они протестуют в то же время против систематического ряда оскорблений подданным ее величества.

Но все это лишь к вопросу о *билле*. Во время самого разгара дела о нем вдруг приключилась еще хуже оказия, о которой, конечно, все наши читатели узнали уже из газет. Это дело выходит еще посерьезнее, и чем оно кончится, одному Провидению известно. Из-за копеечной свечи Москва сгорела, а из-за старого каменного идола, *шалиграмма*⁶², горят сердца неугасаемою ненавистью к англичанам у всех индусов, как верующих, так и неверующих⁶³. Это оскорбление уже не политического, а чисто религиозного характера, против которого воспламенились даже такие неверующие *настики*, как наш бабу. «Дело не в том идоле, – говорят они, – а в оскорблении целой нации». Судья высшей инстанции Норрис, разбирая какую-то ссору из-за владения вышереченным идолом, приказал его принести в судебную камеру, как он теперь объясняет, с согласия обеих сторон. Но в глазах всей нации такое действие оказалось неслыханным,

⁵⁵ негражданских (*англ.*).

⁵⁶ Фрэнк Хью О’Доннелл (O’Donnell, 1846–1916) – ирландский писатель, журналист, политик.

⁵⁷ Джон Кросс (1832–1887) – британский политик, заместитель генерального секретаря по делам Индии (1883–1885).

⁵⁸ Siva Prasad.

⁵⁹ In effigy (*англ.*) – сжечь чье-либо чучело на политической демонстрации.

⁶⁰ Monstration (*фр.*) – демонстрация.

⁶¹ Адрес – заявление известного числа лиц или целого объединения или корпорации.

⁶² шалиграма (*англ.* Shaligram).

⁶³ Учитель К.Х. писал А.П.Синнету в августа 1883 г.: «Благодаря идиотски несвоевременному “законопроекту Ильберта” и еще более идиотскому делу об оскорблении “Saligram-Surendro”, возбуждение довело население Индии до грани саморазрушения. Вы не должны думать, что я преувеличиваю, если скажу еще больше: англичане и особенно англо-индийцы бегут по одной дороге с противоположных направлений» (Письма Махатм. М., 2013. С. 663).

нестерпимым. Туземные газеты разделили внимание между биллем и идолом. Восстали все пандиты, брамины, шастры⁶⁴. Грозно поднялась армия иегов, саньязи и всей монашествующей и нищенствующей братии... Правительство испугалось не на шутку. Но если, по пословице, англичанину все сходит с рук, то уж у англо-индейца «сам черт, должно быть, детей качает»⁶⁵. Успокоились дня на два обещанием не повторять подобного оскорбления, как вдруг неожиданно грянул гром в третий раз. Редактор журнала *Bengali* оскорбил-де высший суд печатным словом, порицая действие судьи Норриса и доказывая, что он по закону не имел никакого права вызывать в суд почтенного идола и тем осквернять святыню. Норрис обиделся «за величие и неприкосновенность суда», как уверяют англо-индийские газеты, и «захотел отомстить в лице образованного и влиятельного туземца всей Индии», по уверению туземных передовиков, тут же выведших судью на чистую воду, показав, как он бросил шляпу вверх на митинге против билля и ругал туземцев. Редактора бабу Сурендро-Нэф[а] Баннерджи⁶⁶ осудили на два месяца в тюрьму. Чтò произошло после этого и рассказать невозможно. Бабу сделался в 24 часа героем буквально всей Индии. Он «мученик за нашу мать Индию»; он «страдает за целый народ и за *трусость всех*» прочих и т.д. Изю всех городов Индии шлются адреса соболезнования и собираются огромные суммы для «мученика». Приготавливаются *миллионы* подписей (буквально) для подачи в парламент прошения, и послано уже в Лондон несколько адвокатов и ораторов...

Чем все это кончится и как? Великий тот политик, скажу более, пророк, кто сумеет поднять в этом случае завесу будущего. Все зависит от сердца Индии, Калькутты; а ведь хотя и совестно, и горько заклеить одним почерком пера целую шестидесятимиллионную нацию, но правда заставляет меня откровенно сказать, что за несколькими исключениями бенгальские бабу не люди, не мужчины, а какие-то сдобные пироги на кокосовом масле. Поднялись дрожжи, пришли во временное движение, а там упадут и будут себе киснуть еще целое столетие...

Но, Боже мой, куда это я зашла, в какой заблудилась дали! Трудно, описывая прошлое, не остановиться на настоящем, особенно, когда дело идет о народе, полном превосходных качеств, с сердцем незлобивым, как у ребенка, и с головой мудреца, но зато сбродливый и столь же испорченный теперь, как тот же ребенок, не баловством, а жестокими побоями непрощенной и нелюдимою мачихи⁶⁷... Переяду снова к *верованиям* этого странного, совершенно исключительного народа.

Невозможно передать и части рассказов школьного учителя и джата о способности индусских духовных *его* получать и отдавать взаимно визиты и хозяйничать в чужих телах. На это потребовалась бы особенная книга с приложением избранных рассказов из *Барона Мюнхгаузена*. Впрочем, будучи упитана в продолжение четырех лет подобными повествованиями с указанием при каждом на *факты*, то есть *чужих людей с живыми в них душами* (sic), последнее непочтительное замечание пишу, быть может, совсем не я, а только мои европейские *ножны*. Иногда у меня идет голова кругом, мутится в мозгу и я перестаю даже сознавать и перепутываю собственную личность. При таких необычайных рассказах я не решалась заявлять о себе мысленно, что я – точно я *сама*, а не (как в одной из историй Марка Туэна⁶⁸) мой собственный брат-близнец, утонувший возле меня в ванне⁶⁹... Мы просидели, таким образом, от восьми часов вечера далеко за полночь на веранде, слушая один рассказ за другим, один другого необычайнее!..

Наконец, наши гости попросили позволения уйти. Мы лишь тогда вспомнили, что сами виноваты в продолжительности их визита: *мы забыли попросить их убираться!* В Индии, если хозяин не позаботится отправить гостей вовремя (европеец фразой: «надеюсь, что скоро снова зайдете»), а туземец предложив жвачку бетеля и оросив гостей розовой водой), то посетители из учтивости готовы остаться у вас целую ночь. Это пренеприятная обязанность, и первое время она

⁶⁴ Ученые урамины, знающие *на память* все шастры, Пураны и Веды. – Примечание Е.П.Блаватской.

⁶⁵ Отсылка к русской пословице: у богатого черт детей качает.

⁶⁶ Сурендранатх Банерджи (Surendranath Banerjee, 1848–1925) – индийский политический и общественный деятель.

⁶⁷ мачехи (*устар.*).

⁶⁸ Марк Твен (Twain, наст. имя Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс, 1835–1910) – американский писатель, журналист и общественный деятель.

⁶⁹ Речь идет о новелле М.Твена «Разговор с интервьюером».

нас сильно конфузила. Теперь же мы попривыкли и находим этот обычай даже весьма удобным, тем более что подобная деликатная задача не требует здесь даже и Демьяновой ухи⁷⁰. Напротив, гости сами несут приношение в виде плодов, сладких снадобьев⁷¹ и цветов, а от угощения убежали бы без оглядки: строгие законы неумолимой касты не позволяют им дотронуться даже до стакана воды. Когда же подают воду европейцу в доме индуса, стакан либо другая какая посуда как навеки оскверненная разбивается тут же вдребезги. Учтивый европеец всегда сам разобьет ее.

Гости наши уже собирались уходить, как полковник, упрямый и задорный в спорах, как истый янки, смеясь, снова заметил джату и школьному учителю:

– Благодарю вас за посещение и доставленные сведения. Только уж извините, а мне что-то все-таки не верится, чтобы душа живого человека могла завладеть по одному желанию и капризу чужим телом.

– Да мы и не утверждаем, что может сделать *всякая* душа, а только *маяви-рупа* (тело иллюзии, *perisprit*⁷²) посвященного иога.

– В могущество их и тайную силу вполне верю, – перебил он уже серьезнее. – Верю потому, что лично убедился во всем этом по приезде в Индию. Но чтобы душа даже самого сильного адепта, и будь у него семь пядей во лбу, могла по усмотрению переселяться в другое тело, – не могу поверить! Ведь этак вы делаете из них чистых оборотней!.. Этак, пожалуй, каждый *иоги* способен оборачиваться, как в сказках наших краснокожих, в крокодилов, кошек, лягушек... Это черт знает что уж такое!..

– Не спорьте, полковник, – заметил доселе молчавший Нараян. – Не спорьте; вы не можете знать, до чего может доходить... *их* могущество и до...

– Да ведь на все есть границы! – перебил наш президент с ноткой досады в голосе. – Ну вот наш Такур, например... Я верю в его науку, глубокие познания и психическую силу, как верю в собственное существование... Неужели же мне поэтому верить и в то, что, воспользовавшись телом дохлой крысы, он способен перелезть и в нее?.. Тьфу, какая гадость!

И он даже плюнул, причем я вспомнила почему-то У*** и его спор с Такуром на берегу озера.

– Оборачиваются в крыс и тигров одни *джаду*, колдуны да тибетские *дугны* и шамары, – почти гневно воскликнул, сверкая глазами, Нараян. – Великий сааб никогда не снизойдет до этого!.. Но если б он и захотел так сделать, то... конечно...

Тяжелый шум могучих крыльев в двух шагах от нас внезапно прервал Нараяна на полуслове. Он весь задрожал и устремил пристальный взгляд в угол веранды. Великолепный павлин, разбуженный, вероятно, громкими голосами спорщиков, слетел с крыши и, тяжело опустившись на землю, стоял перед Нараяном, чванливо распутив пышный веер хвоста...

Полковник расхохотался во все горло...

– Уж не думаете ли вы, мой бедный Нараянджи, что в этом павлине сидит наш Такур?.. Пожалуй, вы готовы уверить и себя и нас, что Гулаб-Синг нарочно оборотился в павлина, чтоб остановить ваши нескромные раскрытия его могущества!.. Ха, ха, ха!..

Наш президент катался со смеху; но Нараян и не улыбнулся. Мы заметили с удивлением, что даже бабу оставался серьезным. Прочие, видимо, напускали на себя вид равнодушия и развязности, которой не чувствовали. Один толстый учитель сопел, ослабляясь и стараясь уже несколько минут вернуть словцо. Наконец, ему удалось воспользоваться минутным затишьем и он многозначительно откашлялся.

– Вот полковник-сааб не верит нашим рассказам о переселении душ из одного живого тела в другое... А ведь перед ним находится, если верить всей Индии, живой, так сказать, пример, – громко заговорил он. – Спросите, кого хотите, и всякий вам скажет, что в *молодом* Такуре Гулаб-Лал-Синге сидит душа старого владетельного такура, деда его, и что он...

Полковник и я наострили уши и слушали, стараясь не проронить ни одного слова.

⁷⁰ Демьянова уха (*ирон.*) – то, что назойливо предлагается, навязывается кому-либо в большом количестве; впервые встречается в басне И.А.Крылова (1769–1844) «Демьянова уха», в которой повествуется о том, как Демьян потчует своего соседа Фоку ухой, настойчиво предлагая ему съесть еще и еще, хотя тот уже сыт.

⁷¹ снадобий (*устар.*).

⁷² Перисприт (*фр.*) – эфирный или астральный двойник человека.

– Доканчивайте же!.. – нетерпеливо воскликнул наш президент внезапно смолкшему и как бы что-то соображавшему учителю.

– Что Такур... еще при жизни...

Но нам, видно, не суждено было услышать конец этого интересного сведения. На крыше над нашими головами внезапно раздались резкие звуки пав и что-то свалилось к ногам снова было присевшего учителя, шлепнувшись с глухим стуком о каменный помост. В полутемноте и прежде, нежели мы могли разглядеть образ этого нового явления, тучный педагог подскочил с упругостью мячика на стуле и тут же развалил его в куски, чуть не развалясь сам вместе с ним. Удержавшись как-то на ногах, он отскочил в сторону и заорал высокою, испуганною фистулой.

– Кобра, кобра!.. Берегитесь... кобра!..

Наш маленький бабу, веривший столь же мало в законы Ману, запрещающие убиение какого бы то ни было живого существа, от тигра до клопа включительно, как и в оборотней, бросился тут же с быстротой обезьяны на помощь своему соотечественнику. Вырвав у него из рук тонкую бамбуковую трость, он схватил змею, вероятно, более нас испуганную, одною рукой за хвост, а другою, вооруженною гибкою тростью, разом перебил ей спинной хребет, затем наступил ей толстым башмаком на голову и доконал хлыстом. Во рту у неприятной гадины мы нашли павлинье яйцо, которое нам и объяснило как визит павлина-оборотня, так и появление кобры. Забив рот яйцом, которого кобра не могла сразу проглотить, и, вероятно, почувствовав себя бессильною пред атакующими павлинами, она со страху свалилась с крыши.

Мы посмеялись над суеверием Нараяна и Мульджи и, простясь с гостями, вошли в нашу столовую. Воспользовавшись нашим отсутствием, *придворная челядь*, пожелавшая, вероятно, заслужить на другое утро ожидаемый здесь даже царскими слугами *бакиши*, постаралась привести в порядок комнаты. Главная уборка их состояла в том, что биллиард закрыли старым ситцевым и дырявым одеялом, а картины Дельи порасставили по столам и окнам. Особенно бросалась в глаза одна из них, приставленная к висящему против входных дверей зеркалу на стоящем под ним столе. Наш почтенный президент машинально подошел к ней и, приподняв очки на лоб, стал рассматривать многочисленные фигуры изображенного дурбара при свете стоявшей на столе большой лампы. В ожидании, пока он окончит обозрение, я села у окна, сильно усталая и позевывая.

Все было тихо кругом. Бэртпур спал, наши товарищи ушли, спали и павлины на крышах, успокоясь после произведенной тревоги. Не спали одни мы да Нараян, все еще сидевший понуря голову на ступеньках веранды. Он никогда не ложился ранее нас и был готов к нашим услугам во всякое время дня и ночи. Поступал ли он так вследствие желания Такура или по своей доброй воле, нам не удалось узнать. Но с самого дня нашего выезда из Бомбея, как только раздавалось в комнате или палатке полковника могучее храпение нашего добродушного начальника, Нараян ложился поперек дороги, ведущей в двери моей временной опочивальни, и не трогался оттуда до утра. Счастливым народ в этом отношении индусы! Они находят себе комфорт повсюду, от вершин Гималайских до раскаленной почвы равнин Индустана. Самый богатый раджа ни за что не согласится спать на кровати. Кусок ковра и постель готова. И климат кажется им нипочем. Кисейная *дотти*⁷³ да рубашка, голые от колен ноги, босиком и такой же полуголый бюст – вот костюм их во все сезоны и во всех климатах. Приехавшие со мною в Дарджелинг индусы – бенгальцы и мадрасцы – в октябре месяце прошлого года как одевались на палящих берегах Хугли⁷⁴ в Калькутте, так и остались, не прибавив и лоскутка к костюму в Сиккиме, где я коченела от холода и сырости, дрожа под шубами и одеялами. Для них 8000 фут[ов]⁷⁵ над уровнем моря или 3 вершка⁷⁶ над его уровнем⁷⁷ не составляют никакой разницы; и они купались по два раза в день в

⁷³ *Дотти* – кусок кисеи, в 8 или 10 аршин, служит мужчинам вместо шаровар, а женщинам – вместо юпки. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

8–10 аршин = 5,7–7,1 м.

⁷⁴ Хугли – река в Индии, один из рукавов Ганга.

⁷⁵ 2440 м.

⁷⁶ 13 см.

⁷⁷ Самая высокая местность Калькутты – улица Клайв[а], во время мелководия всего 27 футов над морским уровнем. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

полузамерзших, ледяных струях горных потоков с таким же наслаждением, как и в нагретой воде своих священных *танков* на равнинах Бенгалии. И никогда ни один из них не заболел даже насморком. На мой вопрос и просьбу разъяснить мне эту тайну неуязвимости они смеялись, уверяя, что это очень просто: «Вы, белые саабы, моетесь мылом и натираете тело разными ядовитыми эссенциями; а нас с первого дня рождения наши матери натирают после мытья кокосовым маслом и мы продолжаем эту операцию каждое утро в продолжение целой жизни нашей. Все поры нашего тела пропитаны и наполнены веществом, которое не допускает ни сырости, ни холода внутрь организма...» Предоставляю физиологам и аллопатам судить о правильности или неправильности этого воззрения. Последние нам, вероятно, ответят, что это вредный обычай, что масло не пропускает естественных испарений и т.д. Быть может; но наши деликатные *grandes dames*⁷⁸ могли бы позавидовать коже (если не цвету) последнего кули или простой мужички Индии. Эта кожа мягче и нежнее всякого атласа и бархата, а вместе с тем, как видно, и не подвержена, подобно нашей, простудам.

Вдруг загорланили где-то несколько петухов.

– Идите спать, Нараян, – обратилась я к сидевшему на ступенях махрату. – Слышите, джатские петухи уже запели. Полковник, отправляйтесь и вы... Вы мешаете Нараяну ложиться, – добавила я, вставая. – Покойной ночи, саабы...

На мое учтивое прощание не последовало никакого ответа, и я с удивлением обернулась к полковнику. Он стоял на том же месте с картиной в руках, полуобернувшись ко мне спиной, и был до такой степени углублен в созерцание дурбара, что, наклоняясь низко над лампой, не замечал, как одна лысина спасала его волосы от неминуемого сожжения.

– Что с вами, полковник?.. – снова спросила я. – Заснули вы, что ли, над лампой?.. Господи! да что ж вы не отвечаете?.. Что с вами такое?..

И я бросилась к нему с непритворным испугом. В голове моей промелькнула мысль о «ножках», «оборотнях» и разных других чудесах Индии.

Взглянув ему в лицо, я еще более испугалась. Красный, как вареный рак, с белыми пятнами по лицу, с которого катились крупные капли пота, он стоял похожий на статую ужаса. В его широко раскрытых глазах ясно читался страх, изумление и какая-то беспомощная растерянность... Я заметила, что он держит картину рисунком вниз и что его полный ужаса взгляд устремлен на его обратную сторону.

– Да что же вы видите, наконец, такого ужасного на обороте этого пергамента?.. – продолжала я, потрясая его изо всей силы за руку. – Да скажите хоть слово!..

Мой почтенный президент испустил нечто вроде слабого мычания и пальцем левой руки ткнул в написанную золотом на языке урду надпись; незнакомая с закорючками этого диалекта я ровно ничего не поняла.

– Что же тут написано?.. Скажите!

Вместо прямого ответа он прошептал слабым голосом:

– Нараян!.. Нараян!.. Идите сюда!..

В одну секунду наш верный спутник стоял возле нас и смотрел на него с таким же удивлением, как и я сама.

– Я не очень хорошо знаю эти буквы... Я, быть может, ошибаюсь... Прочтите, Нараян, мой сын, прочтите, – тихо шептал он слабым голосом.

– «Дурбар Шах-Алума⁷⁹. Передача его величеством падишахом Бенгальского девауни⁸⁰ Ост-Индской Компании, а также провинций Бехара⁸¹ и Бриссы⁸²... Встреча раджпутских послов...

27 футов = 8,2 м.

⁷⁸ знатные дамы (*фр.*).

⁷⁹ Шах Алам II (Shah Alam, 1728–1806) – падишах империи Великих Моголов (1759–1806).

⁸⁰ Дивани (*англ.* diwani) – право управлять территорией и собирать налоги.

⁸¹ Бихара (*англ.* Bihar).

⁸² Ориссы (*англ.* Odisha).

примирение... по воле благословенного пророка Магомета... после горького поражения при Патне⁸³ в 1173 году. Писал Ахмед-Дин 1177 года».

– Что ж в этом такого страшного?.. И нам-то что до их несчастья? – спрашиваю я.

– Нам-то что? – почти закричал полковник. – Нам?.. Нам?.. А вот сейчас увидите что!.. По геджре это ведь 1177 год, не так ли?

– Кажется, что так, – отвечал, глядя на него с изумлением, Нараян.

– Ну, а 1177 год геджры каким будет годом по нашему европейскому летосчислению?

Нараян, подумав с минуту, отвечал:

– 1765 год, кажется; то есть около 114 лет назад...

– 1765 год! Сто четыр-над-цать лет! – прокричал, сильно напирая на каждый слог, побагровевший полковник. – Да? Ну так смотрите же оба, узнавайте... называйте!.. А затем мне остается одно: приказать посадить себя в сумасшедший дом!..

Быстро выхватив картину из рук Нараяна, он перевернул ее рисунком вверх и, указывая на стоящую возле падишаха фигуру, прошептал хриплым голосом:

– Смотрите... Вот, вот *он*... Несомненно *он*... Да и разве есть по всем мире другой такой? *Он!*.. – повторял он, указывая пальцем.

Мы взглянули и, признаюсь, от такой неожиданности у меня захватило дух и кровь похолодела... Картина сильно заколыхалась в руках Нараяна.

Пред нашими глазами между 70 или 80 фигурами придворных мусульман и браминов у трона падишаха стоял, несомненно, образ Такура Гулаб-Синга!.. Действительно, по выражению полковника, разве есть во всем мире другой, похожий на него, – *он!* То был портрет его двойника, если не его самого. Не говоря уже о том, что громадный рост фигуры возвышал ее на целую голову над остальными фигурами, то было единственное в картине изображение, совершенно свободное от раблепной позы всех прочих придворных. Офицер-англичанин еле выдвигался из-под локтей великолепных усатых сердарей, и ненависть живописца оттеснила его совсем на задний план. Одна фигура того, в ком мы все разом признали Гулаб-Синга, возвышаясь высоко над толпой, бросалась в глаза своею горделивою осанкой. Даже поза была его, ему одному свойственная поза: он стоял, сложив на груди руки и спокойно глядя чрез голову придворных в пространство. Лишь костюм был иной. Раджпутский тюрбан с султанчиком из перьев, стальные до локтей перчатки, род панциря, несколько кинжалов у пояса да щит из прозрачной носороговой кожи у ног... Но длинные, волнистые волосы, борода, лицо, рост не оставляли никакого сомнения, что то был он, наш таинственный и неразъяснимый покровитель...

– Да ведь это же невозможно, это непостижимо!.. – прервал, наконец, молчание все еще сильно смущенный полковник. – Ну как тут что-нибудь понять?.. Человеку на вид нет и сорока лет, а портрет его является на картине, написанной за сто лет тому назад!..

– Вероятно, это... портрет деда его!.. – пробормотал, будто извиняясь за Такура, Нараян.

– Деда? – презрительно передразнил наш президент. – А почему же не вашего или не моего деда?.. Разве бывает такое, даже фамильное, сходство!.. Нет, нет... Не деда и не прадеда, а его самого... Я начинаю, однако, бредить, – спохватился полковник, – действительно, если картина не подлог, то ведь это... *невозможно!*.. Скажите, – вдруг обратился он ко мне комически умоляющим голосом, – скажите мне... ведь это невозможно... нет?..

– Не знаю, полковник... Вот уже несколько дней как я начинаю терять способность даже и думать. Кажется, что... Но не спрашивайте меня, спросите лучше его самого... если осмелитесь, – добавила я мысленно и сама не зная почему рассердясь на бедного полковника.

– Нет, нет... Это невозможно, – продолжал он рассуждать как бы про себя, – невозможно!.. Поэтому прекратим этот разговор.

⁸³ Речь идет о битве при Буксаре – сражении, произошедшем 22 октября 1764 г. у городка Буксар (в 120 км от Патны) между семитысячным отрядом Британской Ост-Индской компании и объединенными силами Шаха Алама II и навабов Бенгалии и Ауда. Несмотря на подавляющее численное преимущество, битва обернулась тяжелым поражением для индийских правителей. После этого поражения Патна перешла в руки Британской Ост-Индской кампании.

Патна (*англ.* Patna) – город в северной части Индии, порт на реке Ганг, в наше время административный центр штата Бихар.

– А быть может и действительно это [портрет] его деда, – заметила я. – Вспомните, что нам начал было рассказывать про него инспектор школ. Только ведь он говорил...

Меня просто покорило от взгляда, брошенного на меня Нараяном. При первых же словах он взглянул на меня с таким жгучим и вместе страдальческим укором, что я почувствовала, как у меня остановились слова в горле.

Но и простой намек уже оказал свое действие.

– Праведное небо, а я было и забыл!.. – воскликнул, хлопнув себя по лбу, полковник. – Да только ведь этак задача делается еще труднее... Подумайте только, – продолжал он как бы про себя и соображая, – если Такур и его дед...

– Довольно! – объявила я решительно. – Если вы действительно уважаете его, не забывайте, что он нам многократно советовал: не слушать разных про него толков и не стараться узнавать что бы то ни было про него. Я, по крайней мере, настолько чувствую к нему уважения, чтобы нейти против его желаний. До завтра, господа!

Я вошла в свою комнату и опустила парду (портьеру). Через несколько минут все умолкло в соседней комнате, а через четверть часа уже стало раздаваться знакомое всхрапыванье с присвистом...

Что это, виденье, действительность или просто фантазия, сон?.. Духота страшная и я не могу уснуть. Огромная *пánка*⁸⁴, мерно колыхаемая двумя кули на веранде, вместо прохлады навевает лишь нестерпимую жару. Словно пышет в лицо горячий воздух из духовой печки!.. Я не сплю, это верно. Вон моя *айя* (горничная), свернувшись клубочком, как черная кошка, спит на циновке у подножия кровати... Вот мое солнечное *топи*, свалившись на пол, раскатывается взад и вперед колыханием панки... Нет, я не сплю... Так что же это, почему мне кажется, будто я начинаю видеть сквозь толстую циновку двери и различать в темноте все предметы, мебель, спящего или, по крайней мере, лежащего поперек дверей Нараяна и даже оставленную полковником на столе дурбарную картину?.. В соседней столовой делается все светлее, словно ее освещала выплывавшая из-за черных туч полная луна. Кто это?.. Неужели Такур?.. Но ведь он в Диге! Вот он тихо и неслышно подходит к спящему Нараяну и дотрагивается до его плеча. Нараян вскакивает, и я вижу, как он простирается пред *маха-саибом*, прикасаясь сложенными ладонями к его ногам... Такур простирает руку к картине и, вся зардевшись миллионами словно электрических искр, она мгновенно исчезает из моих глаз... Все начинает путаться, ступешиваться и я открываю глаза только утром на зов моей *айи*, которая тихо и с бесконечными *саламами* будит меня, говоря, что карета готова и *корнел-сааб (Colonel-Sahib)*⁸⁵ ожидает только меня.

«Какое странное, но удивительно ясное сновидение!..» – думается мне, пока я сажусь в золоченую, присланную нам деваном карету.

⁸⁴ В каждой спальне в Индии над кроватью и через всю комнату протянута доска с широкою, густою оборкой, а напротив кровати отверстие в стене, чрез которое протянуты приводящие панку в движение веревки. Кули колышат ее целую ночь. Иначе каждый европеец должен задохнуться. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁸⁵ полковник-сахиб (англ.).